

Вспоминая «воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона

О.С. Карнаухова

Краткое предисловие

Прошло десять лет со времени перевода на русский язык работы Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма», хотя на момент выхода в России эта книга уже успела стать хрестоматийным текстом, рекомендуемым студентам, изучающим вопросы нации и национализма. И по-прежнему концепция Б. Андерсона вызывает споры и обсуждения.

Свои рассуждения Б. Андерсон строит на идее о том, что создание (не возникновение) воображаемых сообществ стало возможным благодаря «печатному капитализму» (print capitalism), а именно: печатная продукция на локальных и региональных языках вместо латыни с целью большего распространения и получения экономической выгоды стала фактором коммуникации между субъектами, говорящими на локальных диалектах. В результате возник общий дискурс. И Б. Андерсон описывает процесс создания первых европейских национальных государств как формирующихся вокруг «национальных печатных языков».

Возникновение национализма (и нации), таким образом, связано с отказом от привилегированного доступа к письменным текстам. Иначе говоря, нация и национализм являются продуктом модерна, размещаясь в его политическом и экономическом контексте. Такой методологический поворот предложил рассмотреть воображаемые сообщества как форму социального конструирования, сосуществующую вместе с иными «воображаемыми феноменами», например, воображаемой географией Эдварда Саида.

Стала ли данная концепция переворотом в поле социально-гуманитарного знания? Не переоцениваем ли мы значение Б. Андерсона для современных нам междисциплинарных исследований? Сегодня с высоты прошедших лет мы попытаемся взглянуть на идеи Б. Андерсона и подвести некоторые итоги.

Карнаухова Оксана Сергеевна, кандидат философских наук, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344000, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, oskarnauhova@sfnu.ru.

Участники:

Сергей Абашин – д.и.н., профессор факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге

Виктор Авксентьев – д.ф.н., заведующий отделом политологии и конфликтологии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН

Сергей Маркедонов – к.и.н., доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета

Михаил Петров – преподаватель Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета

Хубертус Йан – доктор наук, доктор наук, старший лектор по направлению История России и Кавказа, руководитель программы «История» Колледжа Клэр, Университет Кембриджа

Remembering “Imagined Communities” of Benedict Anderson

O.S. Karnaukhova

Short introduction

Ten years have been come over since the book of Benedict Anderson’s “Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism” has been translated in Russian, although by that time, this book has already become a textbook, recommended to students studying issues of nation and nationalism. And yet the concept of B. Anderson meets controversial discussion.

B. Anderson based his conception on the idea that the creation (not occurrence) of imagined communities was possible thanks to the so called “print-capitalism”, namely: printed products in local and regional languages instead of Latin for the purpose of obtaining a greater spreading and economic benefit has become the factor of successful communication between subjects speaking local dialects. As a result, a general discourse appeared into being. And B. Anderson described the process of creating the first European nation states as emerging around the “national print languages”.

Karnaukhova Oxana S., Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, oskarnaukhova@sfedu.ru.

The emergence of nationalism (and nation) was due to the abandonment of privileged access to written text. In other words, nation and nationalism were products of modernity, located in their political and economic context. This methodological turn supposed to consider the imagined communities as a form of social construction, coexisting with other “imaginary phenomena”, for example, an imaginary geography of Edward Said.

Has the concept been a revolution in the field of Social Sciences and Humanities? Do we overestimate the value of B. Anderson for our contemporary interdisciplinary research? Today, with hindsight, we try to look at the idea of Benedict Anderson and draw some conclusions.

Disputants:

Sergey Abashin – Doctor of Science (History), Professor at the Faculty of Anthropology of the European University in St. Petersburg.

Victor Avksentyev – Doctor of Science (Philosophy), Chief of the Political and Conflict Studies chair, Institute of socio-economic and humanitarian research, Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Science.

Sergey Markedonov – Candidate of Science (History), Associate Professor at the Chair of Foreign Area Studies and Foreign Policy, Russian State University of Humanities.

Michael Petrov – Lecturer of the Institute of Philosophy and Socio-Political Studies, Southern Federal University

Hubertus Jahn – Dr., Reader in the History of Russia and the Caucasus, Director of Studies in History Clare College University of Cambridge.

Бенедикт Андерсон и «грамматика национализма» Benedict Anderson and the “Grammar of Nationalism”

С.Н. Абашин

Стала ли интерпретация национализма, предложенная Б. Андерсоном, «коперниканским» переворотом в понимании нации?

Я не решился бы назвать то, о чем писал в своей книге, опубликованной в 1983 году, Бенедикт Андерсон, переворотом. Традиция рассматривать национализм как феномен нового времени, связанный с развитием капитализма и распространением европейских империй, уже существовала давно, например в той же марксистской традиции (к которой сам Андерсон себя относил). И в 1970–1980-е гг., когда развернулась критика модерна, появился целый ряд известных работ – упомяну Кедури, Хобсбаума, Геллнера, Хроха, которые писали примерно о том же, что и Андерсон, но в несколько другом фокусе. При этом книга Андерсона занимает, конечно, особое место и сыграла важную роль в осмыслении национализма. Британский ученый поднял и очень точным, ясным языком описал, исторически контекстуализировав тему, широкий набор вопросов от условий возникновения национализма, его типов и этапов формирования до техник и практик национального строительства и эмоциональной связи с нацией. Плюс придуманное им понятие “imagined community” (воображаемое, воображенное сообщество) само по себе оказалось очень удобным и стало своеобразным именем всего этого направления в изучения национализма.

На какие предметные области гуманитарного знания в наибольшей степени повлияла книга Б. Андерсона?

Как я упомянул, Андерсон затронул в своей книге целый ряд разных вопросов, каждый из которых дал после публикации очень интересные результаты в самых

Абашин Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге; Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, г. Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 3А, s-abashin@mail.ru.

Abashin Sergey N., Doctor of Science (History), Professor at the faculty of Anthropology of the European University in St. Petersburg; European University in St. Petersburg, 3A, Gagarinskaya st., St. Petersburg, 191187, Russia, s-abashin@mail.ru.

разнообразных сферах исторического, антропологического или, например, литературоведческого знания. Мне, в частности, представляется очень плодотворным применение андерсоновских идей в области изучения взаимоотношений национализма и империй. Принято рассматривать империю и нации как антагонистов, а британский ученый показал, что между ними более сложные отношения – империя могла национализироваться и воображать себя нацией, а имперские чиновники, управляя колониями, сами нередко создавали «грамматику национализма», которую потом колонизованные народы воспринимали как свою собственную. Этот парадокс стал предметом множества новых исследований, в том числе по Российской империи и СССР.

Насколько перспективно рассмотрение национализма в качестве культурной системы на современном этапе развития науки?

Национализм в любых своих формах всегда апеллирует к культуре, поэтому пока мы говорим о национализме – мы обязательно будем говорить о его культурном измерении. Польза андерсоновского взгляда заключается в этом случае в том, что ученый рассматривает культуру не как данность, которая существует вне времени, а как процесс пересоздания культурных символов и практик. В этом смысле Андерсона, как и Геллнера с Хобсбаумом, и многих других, иногда относят к конструктивистской точке зрения в противовес академическому примордиализму, хотя, кажется, сами себя они так не определяли или не акцентировали это. Польза книги также в том, что в ней анализируются способы такого конструирования, например музеи, переписи и карты (глава, которая им посвящена, появилась в переиздании книги в 1991 г.). И сегодня этот анализ стал уже классическим, воспроизводится и будет воспроизводиться снова и снова на новых примерах.

Периодизация развития национализма, по Б. Андерсону, – это последовательный накат «волн», в основе своей представляющих различные способы воображения нации. Стоит ли ожидать еще одной «волны» в будущем?

Полагаю, что конец эпохи наций еще не наступил, вообще нации нельзя просто так отменить декретом, эта идея будет продолжать жить в каких-то модификациях и по-прежнему останется инструментом политической мобилизации и эмоциональных переживаний. Какие это модификации? Возможно, это будут более сильные национализмы разного рода этнических и территориальных меньшинств и диаспор. Возможно, это будут национализмы антимигрантского толка. Возможно, мы увидим национализмы с новыми религиозными интерпретациями (вопреки, кстати, точке зрения Андерсона, что национализм возникает, когда роль религии снижается). Возможно, мы увидим какие-то антиглобалистские национализмы, которые станут менее этническими и более территориальными, региональными. Все эти тенденции, как мне кажется, мы уже видим сейчас, но как они поведут себя дальше – предсказать тем сложнее, чем дальше пытаться заглядывать в будущее.

Обладает ли сегодня национализм универсальной легитимностью, о которой писал Б. Андерсон?

Пока еще обладает. Пока еще мир мыслится в официальной риторике как «мир наций», а политики во всех странах говорят о «национальных интересах» и «национальной безопасности». При этом существует множество поводов считать, что эта универсальная легитимность сегодня находится под вопросом. Глобализация, транснационализм, космополитизм и другие понятия, которые вошли в академический и общественный дискурсы, подразумевают, что кроме «наций» существуют другие важные реальности, идентификации и практики, которые бросают вызов идее национализма.

Ядро эмоциональной стороны национализма, согласно Б. Андерсону, составляют самопожертвование и любовь, а не образ врага или ненависть. Так ли это, по Вашему мнению?

Внимание к позитивной эмоциональной связи с нацией – важная черта работы Андерсона. Без изучения, как это связь возникает и поддерживается, трудно объяснить и популярность национализма, и то, как он способен «захватить» человека и общество. Безусловно, этот опыт и эту сторону национализма надо принимать во внимание и изучать. Но равным образом надо учитывать то насилие и ту ненависть, которые оправдываются отсылками к нации или сопровождают любой национализм. Таких примеров и опытов особенно XX век дал немало, что требует осмысления как для понимания национализма как такового, так и его разных форм. Я думаю, что эти два аспекты не находятся в отношениях «или-или», а дополняют друг друга. ►

Воображаемые сообщества и реальные проблемы Imagined Communities and the Real Issues

В.А. Авксентьев

Стала ли интерпретация национализма, предложенная Б. Андерсоном, «коперниканским» переворотом в понимании нации?

Книга Б. Андерсона «Воображаемые сообщества», бесспорно, событие в социально-политической мысли, но рассматривать ее как переворот я бы не стал. Она стоит в одном ряду с исследованиями Э. Смита, Э. Геллнера, Х. Сетон-Уотсона и др. Вообще-то первое издание книги относится еще к началу 1980-х гг., и она была тогда не более чем одним из многих интересных исследований. Мы знакомы со вторым, дополненным изданием 1991 г., которое через десять лет и было переведено на русский язык. Выход второго издания пришелся как раз вовремя: рушились, казалось бы, незыблемые многонациональные государства, огромную часть мира охватило так называемое этническое возрождение. Но даже тогда в центре обществоведческого внимания и читающей публики оказались другие авторы. Вспомним ажиотаж вокруг публикаций Ф. Фукуямы и С. Хантингтона.

Вернусь к Андерсону. Важно понимать, что автор работает в англо-романской традиции этноса и нации, в которой нация понимается как согражданство, т.е. не имеет этнического базиса. Параллельно существует т.н. германская традиция нации, восходящая к Гердеру и Гегелю, в которой нация рассматривается как наивысший тип развития этноса (народа). Именно эта трактовка была воспринята русской политической философией XIX в., испытавшей серьезное влияние гегельянства. Не говоря уже о марксизме, ставшем единственной основой общественной мысли в СССР, а это несколько десятилетий активного развития. Понимание национального

Авксентьев Виктор Анатольевич, доктор философских наук, заведующий отделом политологии и конфликтологии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41, ethnos@stavs.ru.

Avksentyev Victor A., Doctor of Science (Philosophy), Chief of the Political and Conflict Studies chair, Institute of socio-economic and humanitarian research, Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Science, 41, Chekhov Av., Rostov-on-Don, 344006, Russia, ethnos@stavs.ru.

вопроса русской социал-демократией, из которой и вышел впоследствии российский большевизм, сложилось под влиянием воздействием австро-венгерской социал-демократии, также впитавшей германскую концепцию нации.

На основе германского понимания нации в XX в. осуществлено нацистроительство в значительной части мира, в том числе в бывшем СССР. Кстати, о различных путях формирования нации пишет и Андерсон. Таким образом, мир наций и этничности неоднороден. Отсюда и разные трактовки национализма. Из-за разного понимания нации в различных политических культурах в некоторых языковых культурах, в том числе русской, очевидны разночтения вследствие широкого распространения англицизмов: например, национальные (в смысле этнические) языки и национальный (в смысле общегосударственный) доход, национальные (этнические) культуры и национальные (общегосударственные) интересы. Впрочем, это не мешает коммуникации – все, употребляющие эти слова люди, как правило, образованные и понимают контекстуальные значения этих словосочетаний. Важно также упомянуть, что в английском языке не используется слово «этнос», хотя используются производные от него термины («этничность», «этническая группа»).

Говоря о нациях, этносах, мы в последние два десятилетия широко используем еще один термин – «идентичность». Этот термин, широко использовавшийся психологами, занял прочное место во всем корпусе социогуманитарного знания в 1990-е гг. Уже к концу десятилетия он осваивает отечественную социально-политическую мысль. Идентичность – это самоотождествление (а в переводе просто «тождество»), т.е. процесс ментальный, социально-психологический. Поэтому сказать, что результатом этого процесса является воображаемое сообщество с точки зрения формальной логики вполне корректно.

Но здесь мы вступаем на зыбкую почву философии: что такое общество, существует ли в мире что либо еще, кроме материальных (физических) и идеальных (ментальных, психических, существующих в сознании) феноменов? Подзабытый «основной вопрос философии», правда, в несколько иной трактовке. В социальной философии он звучит примерно так: существует ли социальная реальность как самостоятельный вид реальности или это сочетание двух предшествующих видов реальности – материальной или идеальной? Здесь выбор за Вами: если признаете социальную реальность, то нации или этносы – это не воображаемые, а социальные феномены, хотя «воображаемость» играет важную роль в их генезисе. Если нет – тогда остается только воображение (я не вдаюсь в данном случае в расширительное толкование Андерсоном понятия «воображение», иначе пришлось бы увязнуть в обсуждении каждого второго термина). Наконец, из чего состоит общество: из людей или социальных групп? Это еще один важнейший социально-философский вопрос. Если общество состоит из людей (индивидов), то все социальные общности, социальные и политические институты – «воображаемые» сообщества. Не только нации, но и классы, государства. И даже расы: о том, что расы, казалось бы, сугубо биологические общности, являются, говоря языком Андерсона, «воображаемыми

сообществами», антропологи заговорили еще в 1950-е гг. Но судьбу философских дискуссий Вы хорошо знаете: ведутся тысячи лет, а все остаются при своем мнении.

На какие предметные области гуманитарного знания в наибольшей степени повлияла книга Б. Андерсона?

Б. Андерсон, безусловно, очень цитируемый автор в различных отраслях социально-гуманитарного знания. Прежде всего, в этнологии, социальной антропологии. Некоторые издания классифицируют его концепцию как социологическую, проводя аналогию с Вебером. В меньшей степени используются его взгляды в объяснительных моделях в этносоциологии и этнополитологии. Все-таки это скорее культурологическая, по масштабу близкая к философской концепция (как, на мой взгляд, и веберовская). Как это обычно бывает с такими крупными учениями, концепция Андерсона с трудом применима к анализу конкретных процессов. Я активно занимаюсь научно-экспертной деятельностью в области этноконфликтологии, этнополитики и, честно сказать, не обращаюсь к идеям Андерсона. Мне гораздо ближе идеи, если говорить о зарубежных авторах, Дж. Бертоне об идентичности как базовой потребности человека или реинтерпретированная дилемма безопасности (Дж. Дервис, Дж. Херц), концепция «мягкой силы» Дж. Ная-младшего.

Насколько перспективно рассмотрение национализма в качестве культурной системы на современном этапе развития науки?

Это одно из возможных направлений анализа проблемы в рамках «умеренной» или либеральной трактовки национализма, в которой национализм приближается к понятию «патриотизм», особенно если он освобожден от этнического содержания. Кстати, за такую трактовку «ухватились» русские националисты, подчеркивая, что нужно использовать этот термин в «современном», позитивном варианте. При этом содержание идей не меняется. В русском языке и русскоязычной политической культуре понятие «национализм» имеет выраженную негативную коннотацию и даже характер политического обвинения. Соблазнительно сохранить традиционное для русской политической культуры содержание националистических идей, но, ссылаясь на «современное» понимание национализма, снять возможные к себе претензии. Поэтому, когда мы читаем англоязычные работы по проблемам национализма, мы всегда должны делать поправку на разное понимание национализма в англо-романском и германском политико-философских дискурсах.

Когда я в свое время увлеченно читал «Воображаемые сообщества», я уже тогда воспринимал эту работу скорее как философское исследование. Я бы сравнил эффект, произведенный на меня Андерсоном, с работами Л.Н. Гумилева. Очень интересно, помню, как зачитывались на рубеже 1980–1990-х его ставшей тогда общедоступной книгой «Этногенез и биосфера Земли». Все построено на фактах, вроде бы непротиворечивая концепция исторического процесса. Но прошло время – и что осталось в научном арсенале? Пожалуй, только термин «пассионарность», которым иногда еще пользуемся к месту и не к месту. Книга Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» изобилует фактическим материалом, впечатляет масштабом охвата – разные части Земли, разные цивилизации. Но когда имеешь дело с таким

объемом фактажа, невольно подстраиваешь его под какую-либо схему. Андерсону удалось справиться с огромным количеством материала, он неплохо уложил его в схему, но он не первооткрыватель. В последнее время меня больше привлекают исследования, построенные по типу «кейс стади» – в них нередко больше почерпнешь для аналитической и научно-экспертной деятельности.

Вообще, работа Андерсона – блестящее методологическое обоснование инструментализма в этнологии и этноконфликтологии. Сегодня это, пожалуй, наиболее влиятельный тренд. Я не являюсь его сторонником, как и не являюсь его противником, возможно, поэтому у меня очень спокойное отношение к классическому труду Б. Андерсона. На мой взгляд, наиболее продуктивен, особенно когда имеешь дело не с глобальными схемами, а с конкретными региональными и локальными процессами и событиями, так называемый полипарадигмальный подход. Мир социальных явлений слишком многообразен как по генезису, так и по сущности, и по манифестации. Уложить это многообразие в схемы и модели, даже очень красивые, не получается.

Периодизация развития национализма, по Б. Андерсону, – это последовательный накат «волн», в основе своей представляющих различные способы воображения нации. Стоит ли ожидать еще одной «волны» в будущем?

Постановка вопроса предполагает, что я полностью принимаю концепцию Андерсона и работаю в ее русле. Мне все же ближе политолого-конфликтологические объяснения. Нынешняя ситуация в Европе располагает к новой мощной волне национализма (в негативном понимании последнего), это будет прямая реакция на миграционный кризис. Конечно, новой волне будут сопутствовать определенные образы, возможно, произойдет кризис европейской идентичности (не столь уж крепкой, как мы это обычно представляем в России). Если произойдет распад Шенгенской зоны, не говоря уже о Евросоюзе, вполне вероятен ренессанс идеи национального государства. В самом крайнем случае – очаговое, но, возможно, и более масштабное возрождение нацизма. Брейвик может оказаться первой ласточкой. На этой волне появятся новые лидеры, апеллирующие к идеям национализма и обосновывающие их. При желании можно трактовать это все как новый способ «воображения нации». Но все же это вторично по отношению к политическим реалиям.

Обладает ли сегодня национализм универсальной легитимностью, о которой писал Б. Андерсон?

Мне достаточно трудно ответить на этот вопрос по причине, указанной в ответе на предыдущий вопрос. Я выскажусь менее замысловато. Национализм в разных трактовках играл, играет и будет играть значимую роль в политико-идеологической жизни и практико-политической деятельности в обозримом будущем. Еще в конце прошлого столетия многие зарубежные политологи и конфликтологи называли XXI век веком национализма, или, по крайней мере, его первую половину. Это прогнозировалось уже тогда, когда интеллектуальная публика увлекалась «концом истории», «общечеловеческими ценностями», «торжеством либерализма»,

а политики – мультикультурализмом и толерантностью. В начале XX в. появились новые линии прогноза. В 2005 г. был опубликован рассекреченный доклад Национального разведывательного совета США «Контурсы мирового будущего», над которым работали сотни влиятельных экспертов. Согласно их выводам, религия станет играть всё более важную роль в том, как люди определяют свою идентичность и во многих обществах границы между религиозными группами и внутри них могут стать не менее важными, чем национальные границы.

Причиной такой смены националистической парадигмы на конфессиональную послужит массовая миграция, когда, вследствие нарастания числа контактов с представителями многих национальностей, люди утратят возможность ориентироваться в таком многообразии этнокультурных маркеров и будут нуждаться в более фундаментальных различиях для определения своего места в мире. Говоря более привычным научным языком, для формирования устойчивых идентичностей (которые, напомним Дж. Бертону, являются базовыми потребностями человека) необходимо меньшее количество групп, с которыми можно себя отождествить (референтных групп). Религиозные различия представляют в этой ситуации хорошую возможность. Мировых конфессий всего несколько, а этнических общностей – тысячи.

Современные процессы в Европе вроде бы блестяще подтверждают этот прогноз. Но здесь, как это всегда бывает в социально-гуманитарных науках, открывается широкое поле для интерпретаций. Европейцы все же отождествляют себя не с конфессией, а с секулярными ценностями. Поэтому разрастающийся конфликт в Европе трудно назвать межконфессиональным. Скорее всего, здесь уместно вспомнить хантингтоновскую идею столкновения цивилизаций, правда, в «осовремененном» варианте. Мы имеем дело с конфликтом цивилизации, основанной на постсовременности – с одной стороны и религиозно фундированной традиционалистской цивилизации – с другой. Но «разрешение» этого конфликта в Европе может пойти по пути восстановления национальных государств, что потребует обращения к идеологии национализма, причем во всех вариантах: от мягких до самых жестких. Я не думаю, что развитие этого конфликта пойдет по пути роста религиозного самосознания европейцев.

Ядро эмоциональной стороны национализма, согласно Б. Андерсону, составляют самопожертвование и любовь, а не образ врага или ненависть. Так ли это, по Вашему мнению?

Думаю, это неверно при любой трактовке национализма. Просто не подтверждается эмпирически. Понять, что такое «я» в социальном смысле не сравнивая, не противопоставляя себя другому, невозможно. Даже на примерах совсем недавней и современной истории мы видим, что нациестроительство включает в себя образ врага в качестве важного компонента политики идентичности. Согласно конфликтологической парадигме в обществе всегда существует некоторая напряженность («фоновая напряженность»), которая служит объективной основой для негативных стереотипов. Это касается не только национально-этнических отношений, но и всех других линий социального взаимодействия. Исследования, проводившиеся еще

несколько десятилетий назад, когда термином «идентичность» пользовались только психологи, показали, что формирование групповой идентичности даже в экспериментально созданных группах сопровождается завышенной оценкой качеств группы членства и фиксацией отрицательных характеристик у внешней группы. Это явление называется «ингрупповой фаворитизм». Не более чем психологический феномен. Когда к этому присоединяются политико-идеологические компоненты, возникают мобилизующие идеологии. Этноцентризм известен столько, сколько известно этническое деление человечества. Дошедшие до нас племенные этнонимы свидетельствуют, что и в «доидеологический период» люди были склонны обозначать свою этническую общность таким образом, чтобы повысить ее статус (мы – люди; они – «нелюди», «варвары», «немые», т.е. не говорящие по-нашему и т.д.). Причем зачастую это не несло заметной уничижительной нагрузки. Конечно, это еще не образ врага и не ненависть. Национализм формируется тогда, когда в духовной жизни уже играет заметную роль идеология. Но психологическую матрицу легче нагрузить теми идеологемами, которые ей соответствуют. Самопожертвование – да, но зачем и когда жертвовать собой? Когда что-либо или кто-либо угрожает твоей нации, этнической группе, твоей идентичности, наконец. Любовь – да, но почему именно к этой группе людей? Согласно дилемме безопасности, этнические (и другие крупные социальные общности) воспринимают усиление другой группы как угрозу собственной безопасности, даже если эта группа объективно ничем не угрожает. Тем более это проявляется в условиях роста межгрупповой напряженности и конфликта. Если ядро национализма – самопожертвование и любовь, тогда где место образу врага и ненависти? В феноменологии? Думаю, это две стороны медали, которые идут рука об руку. ►

Национализм: диалектика любви и ненависти (возвращаясь к наследию Б. Андерсона)

Nationalism: The Dialectics of Love and Hatred (Coming Back to the Heritage of B. Anderson)

С.М. Маркедонов

Стала ли интерпретация национализма, предложенная Бенедиктом Андерсоном, «коперниканским» переворотом в понимании нации?

Работы Бенедикта Андерсона уже не одно десятилетие рассматриваются как «классика» дисциплины, определяемой на Западе как Nationalism Studies. Но особое место среди них занимает его исследование «Воображаемые сообщества». Работа увидела свет в 1983 г. и была переведена на русский через 18 лет после первой публикации [Anderson, 1983]. По справедливому замечанию С.П. Баньковской, научного редактора русского издания знаменитой книги, «формулу “воображаемые сообщества” освоили даже те, кто никогда не читал знаменитого сочинения. Не удивительно. Кажется, она полностью раскрывает содержание, будучи полемически заострена против всех концепций нации и национализма, предполагающих некоторую объективную, независимую от социальных конструкций составляющую этих феноменов» [Баньковская, 2001, с. 3].

Действительно, пафос главного труда Андерсона конструктивистский. Само его название говорит об этом недвусмысленно. В его книге нация рассматривается не как биосоциальное явление, существующее вне конкретно-исторического контекста, а социально сконструированное сообщество. Возникновение наций он относит

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета, 125993, г. Москва, Миусская площадь, 6, smarkpost@gmail.com.

Markedonov Sergey M., Candidate of Science (History), Associate Professor at the chair of Foreign Area Studies and Foreign Policy, Russian State University of Humanities, 6, Miusskaya Square, Moscow, 125993, Russia, smarkpost@gmail.com.

к периоду появления «печатного капитализма». Но было бы неверно сводить теоретико-методологическое новаторство Андерсона исключительно к его конструктивизму. Стоит отметить, что выход в свет его главного труда случился практически одновременно с двумя другими «классическими» работами – исследованием Эрнеста Геллнера «Нации и национализм» и сборником «Изобретение традиции» под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера [Hobsbawm, 1983; Gellner, 1983]. Во многом их выводы перекликались с основными идеями Бенедикта Андерсона. Тот же Хобсбаум писал о том, что «изобретенная традиции – это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил», а Геллнер предлагал формулу, согласно которой «национализм создает нации, а не наоборот» [Геллнер, 1991, с. 15; Хобсбаум, 2000, с. 48].

Таким образом, Андерсон наряду с некоторыми своими коллегами сумел глубже других разглядеть запрос на усложнение понимания феноменов нации и национализма. И не просто разглядеть, но и сформулировать соответствующее научное предложение. И в этом плане не менее важным является само отношение исследователя к изучаемому предмету. Для автора «Воображаемого сообщества» национализм был, прежде всего, историческим феноменом, который требовал качественного научного анализа, а не публицистического обличения. Он не видел в нем одно лишь средоточие пороков и конфликтов. По его словам, «в эпоху, когда прогрессивные интеллектуалы-космополиты привыкли настаивать, что национализм – чуть ли не патология, что он коренится в страхе перед Другим и в ненависти к нему, что он сродни расизму, полезно напомнить себе о том, что нации внушают любовь, причем нередко до основания пропитанную духом самопожертвования» [Андерсон, 2001, с. 160]. Андерсон называл «культурными продуктами национализма» поэзию, музыку, искусство в самом широком смысле этого слова. При этом в его работах нет и апологетики национализма, тем паче что сам автор призывал подходить к данной дефиниции дифференцированно, предлагая свою собственную типологию данного явления. Думается, что попытка объективизации знаний о нации и национализме может претендовать на то, чтобы считаться значимой научной инновацией.

На какие предметные области гуманитарного знания в наибольшей степени повлияла обсуждаемая книга Б. Андерсона?

Исследование Андерсона представляет большую ценность и для культурологов (специалистов по теории и истории культуры), и для философов (в особенности для тех, кто посвятил себя изучению истории идей, изменивших человечество), и для специалистов по этнополитическим конфликтам. «Воображение» иного как антитезы для «своего» и «правильного» является одним из центральных моментов в генезисе любого противостояния. Однако «Воображаемые сообщества» – это, в первую очередь, исследование историка, поскольку рождение национализма четко вписывается в определенный временной контекст. Более того, выводы Андерсона интересны не только и даже не столько своими обобщениями и генерализациями. Его труд богат подробным описанием конкретных националистических «техник»,

понятных лишь при обращении к более широким историческим контекстам. И в этом смысле мы можем говорить об «историзме» Андерсона. Помимо научного значения этого принципа он крайне важен и актуален для сегодняшних интеллектуальных дискуссий в России и на постсоветском пространстве, где доминируют эссенциалистские и примордиалистские подходы, трактующие нацию как явление вневременное и едва ли не генетическое.

Насколько перспективно рассмотрение национализма в качестве культурной системы на современном этапе развития науки?

На узость понимания национализма как культурной системы уже указали некоторые современные авторы. Так, профессор В.С. Малахов справедливо говорит о том, что «национализм лишь пользуется культурой для реализации своих политических целей» [Малахов, 2005, с. 134]. И какими бы «продуктами» национализма не выступали те или иные произведения музыки и литературы, они имеют и собственную логику развития. В противном случае велик риск воспроизводства пресловутого «принципа партийности» к сфере культуры только на националистической основе. Крайне важно обращать внимание и на такой сюжет, как ситуативность политического поля, в котором действуют авторы того или иного националистического проекта.

Периодизация развития национализма, по Б. Андерсону, – это последовательный накат «волн», в основе своей представляющих различные способы воображения нации. Стоит ли ожидать еще одной «волны» в будущем? Обладает ли сегодня национализм универсальной легитимностью, о которой писал Б. Андерсон?

Автор «Воображаемых сообществ» справедливо указывал как на конкретно-исторические предпосылки появления национализма в целом, так и отдельных его типов. Но сам Андерсон работал не в пространственно-временном вакууме. Его первые «полевые опыты» были связаны с временем краха колониализма, массовым появлением новых национальных государств, периодом холодной войны, когда националистические практики активно использовались двумя сверхдержавами в своих узко эгоистических интересах (а вовсе не ради провозглашаемых высоких ценностей). В тот период националистический дискурс доминировал повсеместно. Однако тогда же ему уже был брошен вызов со стороны идей не национальной, а религиозной солидарности. Война в Афганистане, «исламская революция» в Ираке, трансформация арабо-израильского конфликта из противостояния государств в асимметричный конфликт с возрастающей ролью религиозной идентичности и сетевых, а не вертикально построенных структур. Все это было предвестником бурного XXI века с его «глобальным терроризмом» и идеями «межцивилизационной борьбы» [Huntington, 1993, p. 22–49; Huntington, 1996]. Национальная идентичность оспаривается интеграционными транснациональными проектами (разной направленности), дискурсом религиозной солидарности. Думается это броуновское движение вокруг проектов нации, глобализма, локализма, религиозного выбора, государства и сетевых структур в ближайшей перспективе станет главным трендом человеческого развития, в котором далеко не одно лишь национальное начало будет «воображаться» и «представляться». И в самом деле, неплохо бы

понимать особенности воображения у сторонников пресловутого «Исламского государства»¹. Таким образом, если перефразировать «вождя мирового пролетариата», идеи Андерсона в новом контексте становятся не догмой, а руководством к действию. К действию по осмыслению новых механизмов «воображения» за рамками националистического дискурса, стремительно теряющего свою универсальность.

Ядро эмоциональной стороны национализма, согласно Б. Андерсону, составляют самопожертвование и любовь, а не образ врага или ненависть. Так ли это, по Вашему мнению?

Думается, одно не противоречит другому. Как минимум, любовь и ненависть, образ врага и самопожертвование находятся друг с другом в сложном диалектическом взаимодействии. В конце концов, националистами мы можем назвать и Ибрагима Ругову, и Хашима Тачи, и Махатму Ганди, и Натурама Годсе. Но как по-разному они понимали любовь и ненависть. Да и свою борьбу за национальное освобождение! Существует немало примеров того, как искренние в своих убеждениях люди, говорящие о любви к Отечеству и даже готовые отдать за него жизнь, не скупилась на то, чтобы отнимать ее у тех, кого они «воображали» как «врагов», «чужаков», «агрессоров». Трудно нарисовать четкую красную линию, которая отделяла бы одно от другого. Заслуга Андерсона была в том, что он пытался уйти за рамки «черно-белой картинки» восприятия национализма. И делая это, апеллировал к любви, патриотизму и самопожертвованию. Но было бы другой крайностью видеть в эмоциональной стороне национализма один сплошной альтруизм и любовь без всяких проявлений насилия. ►

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
- Баньковская С.П. Воображаемые сообщества как социологический феномен // Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. С. 3–14.
- Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 126 с.
- Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М.: Книжный дом «Университет», 2005. 320 с.
- Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
- Anderson B. Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983. 160 p.
- Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca; NY: Cornell University Press, 1983. 207 p.

¹ «Исламское государство» (ИГИЛ, ИГ, ДАИШ) – террористическая организация, запрещенная в РФ.

The Invention of Tradition / Hobsbawm E., Ranger T. (ed.) Cambridge: University Press, 1983. 320 p.

Huntington S. The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 3. P. 22–49.

Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. NY: Simon & Schuster, 1996. 367 p.

REFERENCES

Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma [Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kanon-Press-Ts; Kuchkovo pole, 2001. 288 p. (in Russian).

Ban'kovskaya S.P. Voobrazhaemye soobshchestva kak sotsiologicheskii fenomen [Imagined communities as a sociological phenomenon], in Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma. Moscow: Kanon-Press-Ts; Kuchkovo pole, 2001. P. 3–14 (in Russian).

Gellner E. Natsii i natsionalizm [Nations and nationalism]. Moscow: Progress, 1991. 126 p. (in Russian).

Malakhov V.S. Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya [Nationalism as a political ideology]. Moscow: Book house «Universitet», 2005. 320 p. (in Russian).

Khobsbaum E. Izobrenie traditsii [The invention of tradition], in Vestnik Evrazii. 2000. № 1. P. 47–62 (in Russian).

Anderson B. Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983. 160 p.

Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca; NY: Cornell University Press, 1983, 207 p.

The Invention of Tradition / Hobsbawm E., Ranger T. (ed.) Cambridge: University Press, 1983. 320 p.

Huntington S. The Clash of Civilizations, in Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 3. P. 22–49.

Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order.

NY: Simon & Schuster, 1996. 367 p.

Наследие Б. Андерсона и мультипликация национализма

The Heritage of B. Anderson and Multiplication of Nationalism

М.А. Петров

Стала ли интерпретация национализма, предложенная Б. Андерсоном, «коперниканским» переворотом в понимании нации?

Масштаб идейного влияния «Воображаемых сообществ» был бесспорно значительным, но все же не коперниканским. Он, собственно, и не мог быть таким в силу специфики исследуемого предмета. Если в астрономии новая картина мира была неопровержимо доказана множеством опытных наблюдений, математических вычислений и пр., то гуманитарные и общественные науки лишены столь точного инструментария, и широкое использование ими в настоящее время количественных методов ничего не меняет. Поэтому, если коперниковскую систему в наши дни отрицает лишь кучка, политкорректно выражаясь, околonaучных эксцентриков, то с идеями Б. Андерсона обстоит иначе. Многими учеными его выводы приняты не были, и в настоящее время говорить о полной и окончательной победе конструктивизма в этнологической науке говорить преждевременно. При этом речь не идет об огульном отрицании, основанном на идеологическом неприятии (в чем любят обвинять примордиалистов оппоненты), а о содержательной в теоретическом и фактическом плане научной критике. Многие современные исследователи, соглашаясь с отдельными подходами и наблюдениями конструктивистов, не принимают радикальный вывод об «иллюзорности» наций и этносов. Лично мне весьма перспективным видится компромиссное теоретическое направление, представленное в частности в работах известного отечественного историка первобытности Ю.И. Семенова, которое условно можно назвать «историческим». В его русле этносы и нации рассматриваются как вполне реальные феномены, но при этом ограниченные в своем существовании определенными историческими условиями.

Петров Михаил Александрович, преподаватель Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, 344065, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепроvский, 116, mihiracula@gmail.com.

Petrov Michael A., Lecturer of the Institute of Philosophy and Socio-Political Studies, Southern Federal University, 116, lane Dneprovsky, Rostov-on-Don, 344065, Russia, mihiracula@gmail.com.

На какие предметные области гуманитарного знания в наибольшей степени повлияла обсуждаемая книга Б. Андерсона?

Идеи Б. Андерсона получили широкую поддержку в таких дисциплинах, как этнология, социальная и культурная антропология, а кроме того пользуются популярностью в политологии. При этом просматривается любопытная закономерность: если исследователи, занимавшиеся исследованиями этнических феноменов, включая полевую этнографическую работу, как правило, принимали его концептуальные положения с определенными оговорками, то специалисты по политическим наукам были к ним менее критичны. В принципе, такая ситуация вполне типична в различных науках, когда для специалистов, меньше знакомых с предметной областью, которую призвана объяснить теория, не столь заметны фактические несоответствия, но при этом их подкупает внешняя стройность концепции, которая в числе прочего позволяет существенно упростить собственные исследовательские задачи при обращении к данным смежных дисциплин. Однако в случае с «Воображаемыми сообществами» решающую роль, как представляется, сыграли не академические, а идеологические соображения. Появление весьма солидного исследования, выдвинувшего сильные аргументы против концепции «этнической» нации в пользу нации «гражданской», оказалось большим подарком для тех, кто видел в национализме худшее их зол современности и был готов далеко зайти в деле его искоренения. Поэтому влияние идей Б. Андерсона было прямо пропорционально соответствующей политико-идеологической ангажированности тех или иных дисциплин, исследовательских направлений и даже отдельных ученых.

Насколько перспективно рассмотрение национализма в качестве культурной системы на современном этапе развития науки?

Национализм, безусловно, должен исследоваться как культурный феномен, но данный подход не должен быть ни монопольным, ни даже доминирующим. В настоящее время мы имеем довольно парадоксальную ситуацию, когда значительная часть научного сообщества пытается убедить общество в том, что этническая идентичность – суть иллюзия, тогда как этнический национализм (во всех его новейших инкарнациях) делает в мире всё новые «успехи». Феномен национализма в мире на глазах усложняется, создавая порой довольно причудливые формы. Поэтому искусственное ограничение изучаемых аспектов проблемы будет означать опасную ситуацию нарастающего разрыва между методом и предметом исследования.

Периодизация развития национализма, по Б. Андерсону, – это последовательный накат «волн», в основе своей представляющих различные способы воображения нации. Стоит ли ожидать еще одной «волны» в будущем?

Отмеченный феномен «мультипликации» национализма не только позволяет утвердительно ответить на вопрос о новых волнах национализма, но заставляет усомниться в том, что сейчас на планете наблюдается некий «националистический отлив». Наблюдаемый сегодня всплеск этнического сепаратизма в казалось бы благополучнейшей Европе (Шотландия, Каталония, Бельгия, а также внезапная кристаллизация малых этносов, о которой просто меньше пишут в прессе), с моей точки зрения, является весьма грозным симптомом, результаты которого

в глобальном масштабе могут быть весьма драматичными. Несмотря на то, что наиболее резонансный конфликт, протекающий сейчас на Ближнем Востоке, развивается на конфессиональной почве, ряд государств региона, до сих пор испытывающих тяжелые последствия «арабской весны», могут стать инкубатором «новых наций», складывающихся на трайбалистской почве, что будет означать там утверждение наиболее агрессивных форм национализма.

Обладает ли сегодня национализм универсальной легитимностью, о которой писал Б. Андерсон?

Если рассматривать западные страны, то можно констатировать, что национализм там значительно ослабил легитимирующую силу. Сильнее всего это заметно в Западной Европе, где, с одной стороны, элиты все еще не отказались от выстраивания некоей общеевропейской идентичности, причем в предельно размытом, универсалистском виде, а с другой, – все более абсурдные формы принимает пресловутая «политкорректность», когда некоторые леволиберальные властители дум объявляют, что болеть за собственную футбольную сборную это проявление узколобого шовинизма. Недавние события, связанные с наплывом беженцев и беспомощным поведением властей, наглядно показали, что уже и концепция «правильного», гражданского национализма не выполняет в должной степени своей конституирующей функции.

В странах Востока национализм в настоящее время чаще всего конкурирует с иными вариантами идентичности (конфессиональной, кастовой, локально-общинной) и его легитимирующая способность так же носит ограниченный характер. Более или менее «чистыми» случаями безусловного приоритета националистических установок пожалуй можно считать некоторые восточно-азиатские государства: Японию, Южную Корею и Тайвань.

Ядро эмоциональной стороны национализма, согласно Б. Андерсону, составляют самопожертвование и любовь, а не образ врага или ненависть. Так ли это, по Вашему мнению?

Если рассматривать более или менее «классический» вариант национализма, то, безусловно, в его основе лежат позитивные, а негативные ценности. Любая устойчивая идеология, способная консолидировать широкие массы, не может базироваться на отрицании. Однако сказанное не относится к отдельным гибридным подвидам национализма, о которых шла речь выше. ►

Актуальность концепта национализма Б. Андерсона: теория в потоке исторического времени

Topicality of the Nationalism Concept of B. Anderson: The Theory in the Flow of Historical Time

Хубертус Йан

Стала ли интерпретация национализма, предложенная Б. Андерсоном, «коперниканским» переворотом в понимании нации?

Has the interpretation of nationalism proposed by B. Anderson become the “Copernican revolution” in understanding nation?

Not necessarily, but it has inspired a vast number of scholars in various fields to think about various forms of identities, national and otherwise.

На какие предметные области гуманитарного знания в наибольшей степени повлияла обсуждаемая книга Б. Андерсона?

What subject areas of the Humanities have been affected greatly by the discussed book of B. Anderson?

History, political science, sociology.

Насколько перспективно рассмотрение национализма в качестве культурной системы на современном этапе развития науки?

Hubertus F. Jahn, Dr., Reader in the History of Russia and the Caucasus, Director of Studies in History Clare College University of Cambridge; West Road, Cambridge, CB3 9EF, hfj21@cam.ac.uk.

Хубертус Ф. Йан, доктор наук, старший лектор по направлению История России и Кавказа, руководитель программы «История» Колледжа Клэр, Университет Кембриджа; Уэст Роуд, Кембридж, Великобритания CB3 9EF, hfj21@cam.ac.uk.

How promising is to examine nationalism as a cultural system at the present stage of science development?

It is still very relevant to investigate the cultural aspects of nationalism and national identity.

Периодизация развития национализма, по Б. Андерсону, – это последовательный накат «волн», в основе своей представляющих различные способы воображения нации. Стоит ли ожидать еще одной «волны» в будущем?

The periodization of nationalism done by Benedict Anderson is consistent inking “waves”, which are basically different ways of the nation’s imagination. Can we expect another “wave” in the future?

I am a historian and not inclined to predict the future. But looking at human nature, I am afraid anything is possible.

Обладает ли сегодня национализм универсальной легитимностью, о которой писал Б. Андерсон?

Is nationalism universally legitimate today, as it was written by B. Anderson?

No, not universally. There are increasing numbers of multi-national and international political, social and cultural bodies that are providing “imagined communities”.

Ядро эмоциональной стороны национализма, согласно Б. Андерсону, составляют самопожертвование и любовь, а не образ врага или ненависть. Так ли это, по Вашему мнению?

The core of the emotional side of nationalism, as Benedict Anderson wrote, consists of sacrifice and love, not of an enemy image or hatred. Is it so, in your opinion?

This depends on the individual case. No generalization can be made. ▶